

ИЗРАНЕННЫЕ КРЫЛЬЯ

Юлия Гордеева

Юлия Гордеева

Израненные крылья

«Автор»

2025

Гордеева Ю.

Израненные крылья / Ю. Гордеева — «Автор», 2025

Пытаясь заглушить боль от несчастной любви, Серафима идёт прогуляться в парк. Там она знакомится с пожилой дамой, и рыдая, рассказывает ей о своей несчастной любви. Выслушав Серафиму, дама, предлагает ей послушать одну удивительную историю из жизни. Ленинград, восьмидесятые года, Наталья поступает в медицинский институт. Выбор очевиден - у них семейная династия врачей. Она молода, энергична и счастлива. Всё по плану: учеба, свадьба с Сергеем, аспирантом медицинского института. Каникулы на даче, в Комарово. Финский залив, чай с листьями смородины и впереди целая жизнь. Но, всего одна встреча, полностью поменяла планы, и саму Наталью. Семейные тайны, знакомство с мальчишками, родители которых погибли, тайник "секретик" под кустом жасмина и мужчина с карими глазами. Сплетение судеб разных людей, отчаяние и любовь. Одна встреча, один взгляд могут перевернуть мир. Повороты судьбы.

© Гордеева Ю., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Юлия Гордеева

Израненные крылья

Глава 1

Крылья мои изранены. Не оторваться от земли. Надо срочно принимать меры. Я не ангел, и даже не птица. И крылья мои воображаемые.

Я Серафима. Для родителей Сима, для коллег Симочка. Сестра называет меня Сэра. Так, протяжно произносит букву «Э» и рот корытом открывает, жуть. Подружки, у меня их две, обе самые близкие. Так вот, подружки называют меня Сыроежка. Смешно и мило. И я уже привыкла. Дружба наша началась в День знаний, когда мы получили почётное название «первоклассницы» и гордо спускаясь по ступеням школы, я оступилась и полетела вниз, снеся на ходу милую девочку с двумя огромными белоснежными бантами.

– Ты что, дура? – сказала мне эта милая на вид девчонка, отряхивая колени.

Я ничего не могла ответить ей, потому что, сгорала от стыда собственной неуклюжести.

Вот в тот самый момент, подошла, довольно высокая для своих лет девочка и, протянув мне руку, сказала:

– Вставай! – и, повернувшись к милой особе, проговорила:

– Чего сразу обзываешься? Сама не падала никогда, что ли?

Так, бок о бок, мы грызли гранит знаний десять лет. Были всегда вместе и нас называли «Огонь, вода и медные трубы».

Я огонь. Всегда загоралась новыми идеями и знаниями, была в эпицентре школьной жизни, пела в хоре, танцевала, влюблялась и страдала. Эмоции – это моё всё.

Милая девочка – это Стася. Станислава Альбертовна. Теперь безумно прекрасная мама троих милых детей и счастливая жена. А в то время она была «медные трубы». Ни минуты покоя. Она пронеслась, как вихрь по школе, принося с собой кучу эмоций. Дралась за правду, притащила в школу крысу и налила прозрачный клей на стул химика.

И вода. Она же Александра Романова. Теперь председатель правления одной очень немаленькой компании. Это было ожидаемо, потому как гранит науки она грызла за нас троих.

Школьные годы чудесные прошли, мы поступили в разные вузы, но дружба наша продолжается. Мы есть друг у друга двадцать четыре часа в сутки, несмотря на мужей, детей, сделки и романы.

Воспоминания. Прекрасные моменты жизни. Как они дороги.

С вашего позволения я продолжу. Он называл меня Серафима. Даже когда, после долгой разлуки, страстно целовал меня в губы или нежно касался моих губ, потом долго смотрел в мои глаза и тихо произносил своим бархатным голосом – Серафима. Ни Сима, ни Симочка, ни любимая. Только Серафима. Ну а как же иначе?

Имя у него глубокое, богатое. Ростислав. Он носит его с гордостью, подавая свою родословную на серебряном блюде. Рядом с таким мужчиной не может быть Симы. И Серафима не очень вписывается в убранство столовой с фамильным серебром. Но любовь, как говорится, зла.

Тем более что крылья мои греют, успокаивают и не просят ничего взамен. Безусловная любовь! Кто же от неё откажется? Можно и помечтать о великой любви.

– Серафима, сколько можно ждать тебя? Мы опаздываем в театр!

– Экий, вы, барин, шустрый! Всё, по-вашему, должно быть?! А вы дали девушке вольную, развелись со своей барыней, да и взяли меня, молодую крепостную, в жёны. Тогда не пришлось бы на часы поглядывать, да меня подгонять! Вольному воля! Спасённому – рай!

Несвободен наш барин. Жена имеется, и детишки есть. Вот крылья-то и болят. Вода и Медные трубы не осуждают меня, видят чувство огромное под названием любовь в моих глазах. А самбй тошно. Вот крылья и болят. Кровоточат потихоньку. А я терплю. Тихонько подвываю, когда совсем больно становится, денёк, другой, потом легче становится. Так и жили бы мы дальше.

Только приключилась со мной встреча одна. Очень интересная.

С утра зарядил дождь. Ну, думаю, на целый день. И такой этот дождь печальный был. Так, жалобно стучал по стеклу и стекал слезами вниз, разбиваясь насмерть о холодную, грубую землю, что крылья мои заныли нестерпимо. Такая сильная боль пронзила меня насквозь. Сжав зубы, я сидела на холодном полу, и слёзы капали на мои голые колени, как будто это дождь стекал по мне. Чтобы хоть как-то спасти крылья, я забралась под одеяло и уснула. Сон спасёт. Сон лечит. Проснувшись к вечеру, я не услышала шум дождя. Дождь закончился, деревья стояли в стеклянной тишине, и только одинокая ворона недовольно каркала на пробегающую мимо дворовую кошку.

Прекрасный осенний вечер. Крылья робко пошевелились, расправились немного. Надо пойти в парк. Там воздух, там хорошо. Люблю природу. Там спокойно. Там можно попробовать крылья расправить, и, может, они приподнимут меня над землёй, хоть на мгновение.

В парке и вправду оказалось замечательно. Осенние деревья выстроились в ряд, как на модном дефиле. Одетые в яркие наряды, они показывали людям своё величие. Золотые, дерзко алые, изумрудные листья во всей красе сверками в отблесках заходящего солнца. Редкие из них, стесняясь своей наготы, как бы стояли в тени, не понимая, что их нагота так прекрасна и притягательна.

По парку гуляли пожилые пары. Медленно шли они по дорожкам, всем своим видом показывая, что спешить уже некуда, да и не хочется. Хочется наслаждаться каждой минутой. Они так долго вместе, что им не нужны слова. Друг для друга они прочитанные любые книги. И остаётся только бережно перелистывать страницы той истории, под названием счастье быть вместе.

У пруда молодая семья с чудесным улыбающимся малышом, кормили крошками хлеба уток. Прекрасный вечер. Прислушалась. Крылья не болят. Но такие тяжёлые от моих слёз, что сил больше не было идти вперёд и нести их за спиной. Я прошла вглубь парка и присела на скамейку. Сидела и смотрела на закат. Тысяча мыслей в моей голове. Сколько времени прошло, я не знаю. К скамейке подошла пожилая женщина.

– Можно? – тихим голосом спросила она, указывая глазами на пустое место, рядом со мной.

– Да, конечно, – ответила я.

Женщина была одета как-то по старомодному, но со вкусом. И даже камешек был приколот к накрахмаленному воротничку. «Такая бы точно вписалась в убранство столовой с фамильным серебром», – пронеслось у меня в голове. Интересно, какое у неё имя? Анна? Агата? А может быть Елизавета, в честь императрицы?

– Наталья Павловна, – произнесла женщина, слегка улыбнувшись, и протянула мне руку в ажурной дамской перчатке.

От неожиданности я даже подпрыгнула, и лицо мой стало пунцового цвета. Она что, прочитала мои мысли?

– Сима, вернее, Серафима, – проговорила я торопливо и улыбнулась в ответ кривой улыбкой.

– Погода этой осенью стоит чудесная, не правда ли?

«Какие, к чёрту собачьему, диалоги о погоде, когда так ноют крылья», – подумала я, но в ответ процедила:

– Согласна. Осень великолепна!

– Могу я вас спросить?

Всё с той же милой улыбкой проговорила она.

Я утвердительно закивала в ответ.

– Почему такая молодая, интересная барышня гуляет в парке одна с грустными глазами, как ангел, который сложил крылья?

В первую секунду мне захотелось зло закричать, что, во-первых, это вопрос бестактный, а во-вторых, это не её дело. Но крылья стали невыносимы. Их тяжесть давила на спину, уже невозможно было дышать. От этой боли из моих глаз градом потекли холодные, горькие слёзы. И я стала говорить, говорить. Говорить без остановки, глотая эти слёзы. Я рассказывала про Симу, Серафиму, дедушку, великого конструктора, про папину маму, которая, в детстве, на съёмной даче, каждый вечер читала мне «Денискины рассказы». Про ангину и ужасно невкусное молоко с инжиром, про сломанный каблук на выпускном вечере в школе. И, конечно, про свою огромную безусловную любовь к владельцу фамильного серебра и гордого имени. Про барыню, что есть у барина. Про те, короткие моменты счастья, которых мне так не хватает.

В заключение я сделала вывод, что я самая несчастная на всём свете, и вообще мне не везёт в жизни. О чём и сообщила Наталье Павловне с надрывом в голосе и даже где-то с гордостью за свою уникальность.

Помолчав пару минут, Наталья Павловна проговорила:

– Вы, Серафима, жалеете себя зря! С гордостью носите своё горюшко! Упиваетесь печалью!

Голос при этом у неё был строгий, как у учителя, который отчитывает ученика за невыученный урок. Уж точно не эти слова я предполагала услышать. А сострадание, сочувствие, солидарность, наконец. Я выпучила на неё, и так опухшие от слёз глаза и не могла проронить и слова от удивления.

– Расскажу я вам, юная особа, одну занимательную историю.

Неспешно достала из сумочки маленькое зеркальце. Пристально посмотрелась в него. Пригладила рукой выбившуюся прядь волос. Убрала зеркальце на место и начала рассказ...

Наталья Павловна начала рассказ.

Это было прекрасное время. Время моей наступившей молодости. Время открытий, начинаний, любви и разочарований. Время познаний и наблюдений.

Весна выдалась тёплой и солнечной. Она ворвалась на улицы Ленинграда звонким пением птиц, и ароматом бутонов яблонь и черёмухи. Даже рогатые трамваи гремели как-то по-особенному, весело и призывно. Просыпайся, беги вперёд, навстречу своей мечте!

Молодость! Желание вдохнуть этот аромат, ещё не известных тебе чувств, будоражил кровь. Все дороги и все пути были открыты для меня.

Я окончила школу и поступала в университет. Конечно, в ЛГУ, куда же ещё может поступать дочь профессора медицинских наук? Внучка академика. Выбор профессии был predetermined ещё в тот момент, когда высокий грозный доктор, выйдя из операционной, громким голосом сообщил моему папеньке, что на свет появилась девочка.

Я росла в мире медицинских книг, теорий и споров, относительно той или иной болезни. С удовольствием слушала, когда коллеги отца рассказывали занимательные истории из жизни врачей, и искренне жалела студентов, которых отец отчитывал за «безответственное» отношение к анатомии. Студенты и аспиранты часто приходили к отцу. Сдавали работы, приносили научные статьи на рецензию.

Чем старше я становилась, тем больше считала себя экспертом в медицине и иногда позволяла себе, втихоря от отца, подсказать тому или иному студенту. За что всегда получала вознаграждение: шоколад или конфеты и была очень горда собой. В одного даже влюбилась без памяти. Мне было 13 лет, и я считала себя очень взрослой и умной. Ему было 5, он был

аспирант. Голубоглазый, высокий, с изысканными манерами и в начищенных ботинках. Мне он казался идеалом мужчины. За что и был выбран в любовь всей жизни.

О чём я непременно сообщила домашним.

Мама только взмахнула руками и ушла на кухню проверить пирог. Аннушка, это наша помощница по хозяйству, перекрестилась на старый лад и проговорила:

– Натусенька, шла бы ты во двор. Тебя девчата заждались.

Она всегда меня так называла. Ласково и по-домашнему. Сколько я себя помню, всегда она жила с нами. Скромная, очень добрая и тихая. Немножко побаивалась отца, но всегда тихо и ласково ругалась, если он засиживался допоздна в кабинете:

– Павел Александрович, полно вам сидеть над своими книгами. Всех не прочитаешь и за целую жизнь!

– Аннушка, знание – это великая штука, а желание познавать и учиться – это то, что сделали из человека «человека разумного», – смеялся в ответ на слова Аннушки, папенька.

Отец же на мои слова не отреагировал и продолжал с упоением читать газету, и что-то бормоча себе под нос, отмечать красным карандашом на полях.

Прошло два дня, и мой возлюбленный вновь появился на пороге нашей квартиры. Я подготовилась к встрече: ситцевое платье, белоснежные гольфы и синий банк в тугой косе. Не невеста, а мечта.

Избранника моего звали Марк. Аннушка проводила его в кабинет к отцу и ушла на кухню колдовать над кулебякой к ужину.

Я, как партизан, на цыпочках, подошла к дверям кабинета, чтобы подождать окончания встречи и как бы неожиданно ворваться во всей своей красе в кабинет, на встречу к своей любви.

Ждала я у дверей больше часа. Ухо у меня горело нестерпимо, потому что я прислонилась к двери и слушала, о чём они разговаривали. И вот, наконец, отец сказал, что рад был помочь талантливому молодому учёному. Желает счастье в личной жизни и непременно пошлёт поздравительную открытку по случаю такого прекрасного события – бракосочетания. Потом он передал какой-то Леночке большой привет. И я услышала шаги. Пулей я вылетела из коридора и скрылась в своей комнате.

Не буду вдаваться в подробности, сколько расстегаев и пирожков с брусникой было потрачено, чтобы остановить мои слёзы. Сколько тысяч раз я говорила, что больше никогда никого не полюблю. Аннушка носила мне морс, уговаривала меня выйти во двор. Но я стойко хранила горе и отказывалась от выхода в свет. Мама с укором в голосе говорила отцу:

– Павлуша, ну, сделай же что-нибудь!

На что отец отвечал:

– Лизонька, душа моя, это скоро пройдёт. У нас абсолютно адекватный ребёнок. А чувства – это же прекрасно! Пусть девочка проживает их!

– Какие чувства? – фыркала мама, но больше на своём не настаивала.

Это была первая детская любовь, которую проходят все девочки. Бедный или, наоборот, счастливый аспирант по имени Марк даже не знал, какая трагедия разыгралась в доме профессора!

Я и не заметила, как перестала страдать. Наступал Новый год, и ощущение праздника стёрло все печали в моей голове. Хрустящий снег под ногами искрился и переливался в отблеске нарядных витрин. Весь город дышал морозным воздухом и как будто очищался от всего грустного и печального. У Гостиного Двора развернулась ярмарка новогодних игрушек. В Елисейском магазине дамы покупали большие розовые окорока, чтобы запечь их к праздничному столу, и сладкое шампанское. Детвора играла в снежки. Их весёлый залиvistый смех разносился эхом по дворам. В парке был залит каток, звучала музыка. И казалось, что весь город пребывает в счастье.

И аромат ёлок. Он щекотал нос, он окутывал волшебством, и все ждали наступления новогодней ночи.

Это было моё чудесное, беззаботное детство.

И вот уже я бегу по утренней набережной навстречу своей взрослой жизни. Счастливая, уверенная, я знаю, чего я хочу. Сейчас я поступлю в институт, отучусь, стану известным хирургом. Напишу тонны статей и работ. Буду так же, как отец, ругать аспирантов. Меня будут уважать коллеги и пациенты. После института я выйду замуж за Сергея. Потому что, мы уже всё решили. Пока буду защищаться – рожу ребёнка. Милого розовощёкого карапуза, на радость бабкам, да нянькам. И жизнь пойдёт по строго намеченному плану.

В этих мыслях я бегом поднималась по ступеням университета. Нога оступилась, и я полетела вниз. От страха я зажмурила глаза. В первую минуту я даже не поняла, что со мной произошло. Затем я ощутила, что что-то сильное и горячее прижимает меня и держит. Я с опаской открыла глаза и увидела лицо. Да, да. Лицо с глазами темно-янтарного цвета, с чёрной, как крыло ворона, шевелюрой, и с огромной, дурацкой улыбкой до ушей.

– Поставь меня на место, дурак! – прошипела я, чувствуя, что заливаюсь пунцовой краской.

– Если я это сделаю, ты полетишь дальше, – сказал обладатель янтарных глаз.

При этом в его карих глазах танцевали огоньки. Те, что так радуют глаз, когда зажигаются на ёлке.

Я последовала за его взглядом и увидела свой каблук, который, как свеча на праздничном торте, стоял на две ступени ниже.

Освободившись от этих горячих рук, поправив платье, я поковыляла вверх по ступеням.

– Могла бы, и поблагодарить!

Услышала я голос за спиной.

Подумав, что и правда, некультурно себя веду.

– Большое мерси, – кинула я через плечо и поковыляла наверх.

– Меня Гриша зовут.

Услышала я, уже скрываясь за тяжёлыми дверьми университета.

Я стояла на остановке троллейбуса, когда подъехала машина Сергея.

– Сергей, ну что ты так долго? Я вся продрогла, и ещё я сломала каблук.

– Наташенька, извини, была комиссия. Не мог раньше. Что случилось?

Я рассказывала Сергею историю со сломанным каблуком, про моего спасителя и про неудачный день, пока мы ехали ко мне домой. Отец ждал его к ужину, чтобы обсудить дальнейшие планы моего поступления, его научной статьи, и, конечно же, нашей свадьбы.

С Сергеем я познакомилась в стенах университета, когда ходила на подготовительные курсы. Он уже был старшим научным сотрудником, подающим большие надежды. Галантен, прекрасно воспитан, умён из хорошей семьи, в меру красив. Отличная партия для профессорской дочки. С ним было интересно, спокойно и стабильно. Папеньке он крайне был симпатичен, маменька щебетала от радости, что дочь не выкидывает фортеля и остановила свой выбор на такой достойной партии. Только Аннушка, уже совсем тихим от старости голосом бормотала себе под нос:

– Эх, Натусенька, что, правда, то, правда. Пишут в ваших этих книжках заумных про анатомию. А ведь сердце-то, оно не камень. Оно от любви расцветает и пускает корни по жилам, да так, что горячо становится, и душа без любви стонет. Ну, что вы все о медицине своей, да о планах. А где же огонёк в глазах у моей девоньки? А что же жених твой всё по расписанию: пришёл, ушёл. Не дело это. Ох, знаю я тебя, у тебя огонь в груди.

Когда Наталья Павловна сказала, про огонь в груди. Сразу вспомнила я наши школьные годы. «Огонь, вода и медные трубы». Ведь я же огонь. Вспомнила, что в моей груди всегда был

огонь. Чувства, эмоции, желание жить, любить, творить. Где он сейчас? Залило его потоком моих слёз. Крылья снова занули. И я отбросила эти мысли и стала дальше слушать рассказ.

Наталья Павловна продолжала рассказ.

Этой же ночью мне приснился сон. Будто бегу я за уходящим поездом, и вот ещё шаг, и я запрыгну в последний вагон, да только поезд всё отдаляется и отдаляется от меня. И здесь протягивается рука, я хватаюсь за неё и запрыгиваю в вагон. Стою и смотрю на молодого мужчину с красивыми глазами темно-янтарного цвета. А он смотри на меня и улыбается. Так мне от этой улыбки тепло, так хорошо, как будто сердце расцвело миллионом ярких соцветий и корни по всему телу пустило. Так, горячо, что вздохнуть невозможно и глаз от него не оторвать.

Утром я снова поехала в университет, и, обнаружив свою фамилию в списке поступивших, не удивилась, но была очень горда собой и рада.

По этому поводу папенька решил созвать на банкет всю родню. В субботу в три часа дня, я нарядная и в новых туфлях стояла в холле ресторана «Астория», и встречала гостей.

Папенька в этот вечер был горд и многословен. Поднимал бокал за новое поколение русских врачей, за семейственность, при этом, с многозначной улыбкой поглядывал на меня и Сергея. Вечер был великолепен. Я танцевала, пила шампанское, много смеялась.

Я была счастлива, молода, полна энтузиазма! Вот она новая запланированная жизнь! Всё идёт по плану! Всё так, как я хочу!

Лето в тот год выдалось жаркое.

Я была зачислена на первый курс университета, и всё лето было в моём распоряжении.

Сергей был занят научной работой на кафедре, и на семейном совете мы решили, что отправимся на дачу в Комарово на два месяца. Год выдался тяжёлый, и всем нам надо было отдохнуть.

Неделя ушла на сборы. Отец собирал свои книги, и каждый день проверял по списку, ничего ли не забыл. Аннушка упаковывала летние вещи, хлопотала по кухне и сетовала на то, что надо было заранее сообщить о переезде, чтобы не собираться впопыхах. Мама оповещала по телефону знакомых, что мы переезжаем на дачу, приглашала подруг приезжать к нам в гости, и мечтала, как будет с отцом гулять вдоль залива. Я же валялась в своей комнате, читала только что вышедший роман Михаила Шолохова «Тихий Дон».

Наконец, вещи были собраны, мы погрузились в автомобиль и ранним утром 1 июня выехали на дачу.

Дача наша досталась нам от деда по отцовской линии. Это был прекрасный дом с резными наличниками, со стеклянными дверьми, с балконом на втором этаже и террасой на первом. Скрипучие половицы, старые качели в саду, благоухающие кусты сирени и жасмина, и накрахмаленная скатерть на обеденном столе. Всё это было мной любимо с детства.

По вечерам Аннушка накрывала стол на террасе. Горячие румяные пирожки, молочник с подогретым молоком, чай с листьями смороды, кусковой сахар и изумительной красоты чашки с блюдцами. Это была традиция. Вся семья собиралась за столом. Свет от лампы, в абажуре из кружевной ткани кидал блики, и мотыльки тихонько стрекотали крыльями, летя на свет.

Мы пили чай, слушали интересные рассказы отца, строили планы на следующий день. Спорили, смеялись. Это были прекрасные моменты. В то время я думала, что так будет всегда. Что ничего не сможет изменить ритм нашей жизни, наши планы.

Вещи были разобраны, в доме убрано и всё, уставшие от насыщенного дня разошлись по комнатам отдыхать.

Я сидела на балконе, укутавшись в мамину шаль, и смотрела на небо. Скоро я начну учёбу в институте, выйду замуж за Сергея. У меня будет размеренная взрослая жизнь. Где-то глубоко внутри меня, что-то маленькое, но очень сильное и горячее мешало мне насладиться мыслью о размеренной взрослой жизни. Та маленькая, бойкая и дерзкая девчонка, которой я была в детстве, всей душой сопротивлялась. Ей хотелось с жадностью впитывать в себя каждый миг,

наслаждаться вкусом, ощущениями новых открытий, чтобы мурашки по коже и кружилась голова. Но я сопротивлялась этому взбалмошному ребёнку, не давая воли эмоциям. У меня всё прекрасно, всё спланировано.

Прошло две недели. Погода в начале июня не задалась. Мелкий, но частый дождь, насквозь промочил песок на берегу, и от этого он стал кирпичного цвета. Чайки недовольно кружили над синей холодной водой, всем своим видом показывая своё пренебрежение дождю, ветру и хмурому небу.

В доме стало уютно от постоянного дождя за окном, и мы к вечеру затопили камин. Этот безумно вкусный запах дыма от берёзовых дров, который пахнет теплом, уютом и детством. Я вспомнила, как в детстве, промокнув насквозь под летним июньским дождём, Аннушка надевала мне фланелевую мягкую пижаму, наливала мне большую кружку ароматного чая с листьями смороды и малины и сажала меня в дедово кресло прямо напротив камина. Сама же садилась поодаль на маленький табурет и рассказывала истории из своего детства. Я с интересом слушала, про походы в лес за малиной, про усатого моряка, что жил в соседнем доме, в которого Аннушка была влюблена, про рождественские гадания и колядки. Это было моё прекрасное беззаботное детство.

Вот и сейчас я сидела в дедовом кресле, напротив камина и пила вкусный горячий ароматный чай с листьями смороды и малины.

Отец проводил много времени в кабинете, работал над научной статьёй. Аннушка приносила горячий чай и пирожки с ревенём на серебряном подносе, тихо ставила на угол стола и ещё минуты две не уходила из кабины. Она складывала руки на груди и, покачивая головой, тихо охала, всем своим видом показывая отцу, что не одобряет она его круглосуточную писанину. Именно так она говорила, когда отец с головой погружался в написание статьи.

– Ох, этот Павел Александрович, совсем не бережёт своё сердце! Снова взялся за круглосуточную писанину! Ну, Лизавета Прохоровна, ради бога, скажите ему, что нельзя круглосуточно-то? Он же не спит ночью. Вона, я на днях, в уборную пошла, уж глубоко за полночь было. Смотрю, а, из-под двери воной лучик света. Не спит, не бережёт себя.

– Аннушка, да и я ему сто раз говорила. Ты же знаешь, какой у нас Павлуша, – отвечала ей мама.

– Да, нет на него управы, – вздыхала Аннушка.

– Вот, я ему сегодня чай с мятой и валерианой заварю, чтобы спал он крепко и долго.

В такие дождливые дни мама рисовала. Она ставила мольберт напротив окна на веранде, брала свои кисти и рисовала пейзаж. Это небо над Балтийским морем, песок, чаек и ветер. Да, вы не ослышались – ветер. Мама моя потрясающий художник. Я не рассказывала вам о ней, а ведь её история достойна отдельной книги.

Они познакомились с отцом, когда мама была выпускницей художественной академии имени Репина. Потрясающе талантливая, её картины висели в холле академии, и все восхищались ими и пророчили юному дарованию блестящее будущее. Море поклонников, не только ровесников, но и состоявшихся мужчин, которые имели виды молодую красивую одарённую Елизавету Перовскую.

Вольные взгляды, рассветы и закаты, желание изменить этот мир, вера в любовь и благородство. Всё это сочеталось в красивой, высокой, стройной блондинке. Быстрым шагом она неслась по проспекту в сторону дома, когда, у парадной снова, увидела невысокого молодого человека.

– Ну, это мне уже надоело, – сказала себе под нос Елизавета и направилась в сторону молодого человека.

– Не надоело тебе меня караулить уже седьмой день? – спросила она, подойдя к молодому человеку.

–Барышня, во-первых, добрый вечер! Во-вторых, нет, не надоело. А в-третьих, могу я задать вам пару вопросов? – проговорил он, сделав пару шагов прямо на неё.

Она опешила от такой наглости и две минуты смотрела на него своими огромными зелёными глазами.

–Добрый вечер! Могу я вас кое о чём спросить? – снова проговорил наглый молодой человек.

–Спросить, что? – в недоумении ответила она.

–Сегодня же понедельник?

–Да, – ничего не понимая ответила Лиза.

–Во-о-от. Сегодня понедельник, и это очень хорошо. А что вы делаете в субботу, ближе к обеду?

–Я?

Да, да, вы! Или вы видите здесь ещё кого-то, кому я могу задать вопрос?

Елизавета машинально посмотрела по сторонам. Двор был пустым, только они вдвоём«

Ошарашенная такой наглостью, она отчеканила: «В субботу у меня лекции до 12 часов, а потом я поеду на залив и буду писать пейзаж для выпускного экзамена».

–Это просто потрясающе! – проговорил молодой человек, и на его лице появилась огромная улыбка.

–Почему? – уже совершенно ничего не понимаю, – сказала она.

–Да потому что, наша дача расположена как раз на Заливе, в Комарово, и вы сможете рисовать свой пейзаж, даже если будет ливень, а ливень будет. Так вот, вы сможете рисовать свой пейзаж, сидя на веранде.

–Сидя где, простите?

–На веранде, в Комарово.

–Ох, простите меня! Вот я олух неотёсанный! Болван. Я же даже не представился. Меня зовут Павел Александрович, я аспирант первого медицинского института, коренной Ленинградец, живу здесь недалеко, на Среднем проспекте. Давайте присядем, и я всё вам объясню.

Елизавета даже не стала сопротивляться, она села на скамейку рядом с ним. Он начал свой рассказ. С этой минуты они почти не расставались. Это было начало самой большой и потрясающей любви.

Не буду вдаваться в подробности. Они и правда поехали на дачу в Комарово, где Лизавета была представлена всей семье, включая деда – великого хирурга. Она написала свой пейзаж, защитила дипломную работу, познакомила Павла с родителями, которые увидели в молодом человеке потенциал и дали своё добро на создание их союза, подали заявление в ЗаГС, расписались и вот уже много лет они вместе. Мама отказалась от своей карьеры великой художницы ради того, чтобы отец смог стать великим хирургом. И ни разу не пожалела об этом. Ни одного дня совместной жизни она не ощущала себя несчастной или несчастливой. Отец каждый день окутывал её заботой и любовью. И был безмерно благодарен, что такая потрясающая женщина выбрала его из миллиона поклонников и ухажёров. Они нести свою любовь через годы, как цветок хлопка, оберегая от гроз, дождей и ненастья. Я была единственным ребёнком в семье. Мне было 5 лет, мама забеременела. Они с отцом были очень счастливы и ждали появление ребёнка на свет. Папа ходил гордый и говорил, что скоро у него родится наследник всех научных трудов и вместе с сестрой, то есть со мной, мы создадим новую империю русских врачей-врателей.

Но когда мама была на пятом месяце беременности, случилось несчастье. Она сильно заболела. Её лихорадило, и температура поднялась выше 39 градусов. Отец очень переживал. Потом он осмотрел маму, сделал ей примочки, чтобы сбить температуру. Мама уснула, а отец закрылся в своём кабинете и долго с кем-то разговаривал по телефону.

Утром к нам приехал папин лучший друг, заведующий инфекционным отделением Боткинской больницы, Семён Маркович Розенман. Он осмотрел маму, и они с отцом закрылись в кабинете. Потом приехала карета скорой помощи, врачи, носилки. Я плохо помню детали, мне было всего пять лет. Неделю я жила у бабушки с дедом, а когда меня привезли домой, я почувствовала неприятный терпкий запах. Это был запах коралла и пустырника. Папа взял меня на руки, глаза у него были очень серьёзные и сказал: «Наталья, ты уже большой ребёнок. В нашей семье случилось горе, мы потеряли ребёнка, которого носила твоя мама. Я прошу тебя не задавать маме вопросов. Мы очень любим тебя, и скоро всё наладится».

После этих слов и сильно прижал меня к себе и долго не отпускал. Я чувствовала, как моя щека была мокрая от папиных слёз. Когда я выросла, отец рассказал мне, что мама заболела тяжёлой формой краснухи, и пришлось прервать беременность. Пришло время, и в нашем доме снова всё стало по-прежнему. Только каждый год в этот день родители покупают саженец берёзки и едут по дороге жизни в лесополосу, где высаживают её.

Так вот, мама писала пейзаж, папа работал в кабинете, Аннушка сидела на диване в гостиной со спицами в руках и дремала. А я сидела напротив камина и вспоминала себя маленькую. Дерзкую, борца за правду, но, при этом жутко чувствительную. Вы спросите, почему жутко. Да потому что каждый миг своей маленькой жизни я проживала всем телом и душой. Кровь моя кипела от несправедливости, я могла заплакать, увидев на улице одинокого котёнка, и через две минуты уже в моей голове возникал план по спасению бездомной зверушки! Я могла звонить в каждую квартиру и говорить: «Возьмите себе котёнка, ему холодно и голодно на улице. У него нет мамы.

Когда же я появлялась из очередного подъезда во дворе, могло уже быть далеко за полночь. Вы представляете, что испытывали мои родные? Аннушка капала себе какие-то капли, мама держалась за сердце, а папа строгим голосом говорил: «Наталья, пройди в мой кабинет».

Там в кабинете я стояла посередине, в лучах люстры, отец ходил из угла в угол, руки его были скрещены за спиной, и он монотонным голосом говорил: «Ты взрослый человек, ты понимаешь, что такое чувство ответственности? Ты представить себе не можешь, что мы испытали за эти часы твоего отсутствия!»

Потом он подходил ко мне, брал меня за руки, и, смотря в глаза, уже мягким голосом говорил:

–Наташенька, моя родная, моя взрослая и умная девочка! Мы очень переживали! Не пугай нас так больше!

Я, конечно же, обнимала папу, из моих глаз текли горькие слёзы, мне так было его жалко. Потом я выбегала из кабинета и обнимала маму и Аннушку и говорила, как сильно их люблю, обещала, что такое больше не повторится. Потом мы всей семьёй пили чай с пирожками и уже обсуждали судьбу бедного котёнка со смехом и радостью. И я честно, честно, давала себе слово, что больше никогда не расстрою своих родным и любимым. Но где-то в глубине души, я всё-таки искренне не понимала, почему мой такой добрый поступок вызывает негодование у близких. Разве не доброте и состраданию, чести и достоинству учил меня отец. Почему же они не понимают, что я не могла поступить иначе. Что я не могла оставить бедного маленького котёнка замерзать во дворе.

Так, я сидела у камина, вспоминала своё детство и вдруг вспомнила казус, который произошёл со мной недавно на ступенях института, когда я оступилась и сломала каблук, оказавшись в руках молодого мужчины с глазами тёмно-янтарного цвета. Я сидела у камина, с чашкой вкусного ароматного чая и ещё не знала, что через несколько в моей жизни произойдут события, которые полностью изменят её.

На следующий день дождь прекратился, и из-за облаков робко выглядывало солнце.

Я пошла, прогуляться вдоль залива. Ветер не собирался стихать, и я накинула на плечи мамину шаль. Песок под ногами был мокрый, и от этого было легко идти. Я шла по берегу, оставляя за собой следы. Чайки нервно кричали, видимо, им не нравилось, что в их размеренный ритм ворвалась я, да ещё шла и напевала себе под нос какой-то весёлый мотив. Было легко и беззаботно. Пляж был пустой. После непогоды ещё никто не решился выйти на прогулку. Через два дня выходные. Приедет Сергей, и мы сможем с ним целый день гулять по берегу. А если распогодится, так ещё и позагораем. Я очень любила лежать на старом покрывале, на горячем песке и дремать под лучами горячего солнца. Аннушка меня всегда ругала и говорила: «Негоже, девушки из приличной семьи ходить, как эфиопы».

Именно Эфиопы, говорила Аннушка. Она почему-то боялась, слово негры и афроамериканцы. И всегда крестилась на старый манер, когда по телевизору видела чернокожих людей. Мне было очень смешно наблюдать за ней, и я иногда поддразнивала её приговаривая:

– Вот встречу я в Университете Эфиопа, влюблюсь и рожу тебе маленьких эфиопов.

Аннушка снова крестилась, закатывала глаза, всем своим видом показывая мне, что грех издеваться над пожилым человеком, и говорила:

– Пойдёмте лучше на веранду, чай пить.

Так напевая себе под нос, я ушла довольно далеко по берегу. Ноги устали шагать по мокрому песку. Я пошла по тропинке через лес, к шоссе, решив, что обратно пойду через город. Заодно куплю свежую прессу в киоске «Союзпечать».

Я выбралась с пляжа и шла по узенькой тропинке, которая скрывалась в тени вековых сосен и лип. Пройдя ещё метров триста, я наткнулась на деревянный старый забор. Когда-то он был ярко-зелёный, но со временем краска облезла, и он приобрёл грязно болотный цвет. Забор был настолько ветхий, что в некоторых местах был скреплён сеткой рыбицей.

Интересно, что же там, за старым забором? Я пыталась рассмотреть, что находится по ту сторону забора, но ничего, кроме травы, кустов жасмина и столетних деревьев, мне было не видно. Как будто эти деревья охраняли своим величием тайну. И никто из проходящих мимо, не должен был узнать, что же скрывают эти зелёные атланты.

Вдруг я услышала голоса. Два голоса. Я замедлила шаг, и как пантера, почти на цыпочках, стала двигаться в сторону голосов. Подойдя ближе к забору, я отчётливо услышала два голоса. Это были голоса двух мальчишек лет 10–12. Я присмотрелась и в щели между старыми досками, увидела двух мальчишек. Вернее их согнутые спины и коротко бритые затылки. Они копошились у старого огромного дуба.

– Давай, рой глубже, – говорил парнишка в синем спортивном костюме.

– Да не могу я глубже. Я уже все пальцы исцарапал о корни! Надо было в столовой ложку взять. Ложкой-то, сподручнее было бы копать, – отвечал ему худенький белобрысый парнишка.

– Ага, ложку ему подавай. А если бы, кто увидел бы, что мы ложку стырили? Вот позор бы было. Да ещё и призываться пришлось, зачем нам ложка. Копай, ещё немного осталось!

Второй парнишка пыхтел от усилий и разгребал маленькими тонкими пальцами сырую землю.

Второй же, тот, что в спортивном костюме, бережно держал в руки какой-то маленький свёрток. Что-то было завернуто в носовой платок. И он не выпускал это из рук, с опаской озираясь по сторонам.

– Ну, всё, готово! – сказал худенький белобрысый мальчик.

Они бережно положили в выкопанную яму свёрток и стали быстро закапывать яму. Потом аккуратно примостили траву и даже воткнули маленькую веточку сосны. Довольные своей работой, они побежали вглубь территории.

Я дошла до конца забора и вышла на аллею. Слева были большие ворота и проходная. Я подошла и увидела надпись «Школа-интернат №1». По бокам от ворот были клумбы, в которых

росли анютины глазки. Пока я разглядывала надпись и окрестности, ко мне подошла пожилая женщина.

–Девушка, помогите, пожалуйста!– обратилась она ко мне.

–Подержите кулёк.

Она вручила мне увесистый кулёк из плотной бумаги. Сама же разложила на скамейке два листа бумаги и рукой позвала меня подойти.

–Открывай, родная, пакет, давай разделим на двоих, – проговорила она.

Я раскрыла кулёк. В нём килограмма два конфет «Белочка».

Я ничего не понимаю, помогала женщине раскладывать конфеты на две кучки. Когда конфеты были разделены, женщина свернула два кулёка и бережно убрала в сумку.

–Извините, спросила я, – вы в Интернат?

–Да, здесь мои племянники, а я проездом в Ленинграде. Вот гостинцы привезла. Видишь, родители у них на раскопках пропали. Думают, что завалило. Они археологи. Но пока срок ещё не прошёл, их не признают без вести пропавшими. Вот я их не могу забрать к себе. Их из летнего лагеря сюда перевезли. А сказать, ещё не сказали. Говорят, пусть мальчики лето проведут здесь. А там посмотрим.

–Ох, бедные мои сиротки.

Она собрала свои сумки и поспешила к проходной.

Я проводила её взглядом и поспешила домой.

Вечером за ужином я рассказала домашним про школу – интернат, что находится недалеко от нашего дома, и про мальчишек, у которых родители – археологи.

Отец отложил газету, отпил чаю и сказал:

–Да, Лизонька. Раньше, ещё в царские времена там была усадьба помещика. Помещик этот был доброй души человек и ещё очень образованный. Вот он местных детишек учил грамоте и письму. Своих детей ему бог не дал, вот он и наделял заботой других. Уже потом, когда советская власть пришла, усадьбу эту отдали для проживания бездомным сиротам. А потом уже сделали школу-интернат. Но не простой интернат. Там живут дети доблестных родителей.

–Это как понимать? – спросила Аннушка, оторвав голову от вязания.

–А там содержатся дети-сироты, родители которых доблестно погибли, отдавая свой долг родине. Дети лётчиков, испытателей, дети археологов. Там своя атмосфера. Домашняя. Кстати, от нашего научного института мы отправляем каждый год туда молодых специалистов – волонтеров. Они занимаются с ребятами и биологией, и химией.

–Кстати, Лизавета, твоя мама, несколько лет подряд ходила туда и обучала ребят живописи.

–Мама, – сказала я, повернувшись к ней, – почему я не помню? И почему ты не рассказывала мне.

–Лиза, ты тогда каждое лето уезжала в спортивный лагерь. А мне было в удовольствие передать свой опыт. Ребята там чудесные. Один мальчик – самородок! Он так владел кистью.

–Пашенька, не помнишь, как его звали?

– Гриша, моя душа, Григорий.

–Да, Гриша. Он был у меня самый любимый ученик. У него непростая судьба. Он остался совсем один. Его родители погибли, спасая лес от пожара. Так вот, он остался один. Мечтал стать, как родители спасателем и спасти мир. А когда я ему говорила, что красота спасёт мир. Он смотрел очень серьёзно, на меня, своими карими глазами, и громко говорил, что мир спасут красота, любовь и настоящие специалисты своего дела. Смешной был и очень добрый.

–Как сложилась его судьба? Ему сейчас уже лет 0, наверное...

Мы стали расходиться, отдыхать. Я помогла Аннушке убрать со стола. Умылась. Поднялась к себе. Раскрыла балкон. Терпкий аромат жасмина ворвался в мою комнату. Я лежала, и в голове моей рисовались картинки лётчика-испытателя, который погиб, испытывая новый

самолёт. Пожарных, воюющих с горячими языками пламени, их детей, которые ждут, что родители приедут...

Ночью мне снились мальчишки, закапывающие клад под большим дубом, потом снился мальчик Гриша, который рисует красоту и любовь.

Глава 2

Утром, позвонил Сергей и сказал, что не сможет приехать на выходные, так как назначена конференция.

Теперь я была снова предоставлена сама себе. Погода стояла прекрасная. Лето входило в свои владения. Солнце светило ярко и по-летнему весело.

Все последующие три дня, до выходных прошли в хлопотах. В доме царила суматоха, даже папенька раздавал какие-то указания маме и Аннушке. Хотя он никогда не влезал в дела хозяйские. Только соседский кот Константин вальяжно лежал на веранде и недовольно щурился солнечным лучам, которые грели его через открытые ставни.

А дело всё в том, что мама пригласила на субботу гостей. Вот по этому поводу было принято решение достать нарядную посуду из буфета. Перемыть все приборы. Съездить на рынок в Зеленогорск и непременно навести порядок во всём доме. Аннушка мыла полы, протирала пыль, мама в огромном железном тазу, аккуратно перемывала столовый сервиз и раскладывала на белоснежные полотенца, чтобы стекла вода. Даже отец поправил стопки книг на рабочем столе и убрал бумаги в ящик стола. Мне же велено было взять уличную метлу и подмести кирпичные дорожки снаружи дома.

Я вооружилась инвентарём и отправилась на улицу. Погода стояла шикарная.

В воздухе пахло летом. Той зеленью, которую так сильно ждёшь после зимы, и радуешься, когда на пригорке увидишь первые нежные робкие цветки мать-и-мачехи. Солнце нежно грело кожу и играло своими лучами, прыгая по листьям деревьев, наперегонки с молодым робким ветром.

Я обошла дом и начала сметать сухие листья и траву. Дойдя до старого куста жасмина, я сразу почувствовала сладкий аромат. И здесь я вспомнила, что в детстве, мы с соседской девчонкой Танюшей, закапывали секретики по ту сторону жасмина. Помните, когда вырывали ямку в песке или земле, клали туда, например, красивую обёртку от конфеты, а сверху кусок стекла, и зарывали. Моей гордостью был секрет не с обёрткой от конфет, а с янтарной бусиной.

Отец ездил в Ригу и привёз оттуда маме янтарные бусы. Однажды мама снимала их и зацепилась за застёжку платья. Нить порвалась, и сочные желто-рыжие бусины, как град упали на пол и в красивом янтарном танце разлетелись по всей комнате. Конечно, я была призвана на помощь, и мы с мамой стали собирать эти бусины. Аннушка принимала их у нас и аккуратно складывала в подол своего передника. Мне так нравились эти бусы. Я любила смотреть на них, поднеся их к свету, и представляла жаркие страны, солнце, планеты. И конечно же, хоть сейчас мне и стыдно в этом признаться, одну такую прекрасную бусину, я оставила себе. Мама долго искала, когда поняла, что на нитки не хватает бусины. Но потом успокоилась. Я от страха разоблачения хранила её в шкафу, спрятав коробку с зимней шапкой. Периодически я достала коробку, проверяла, на месте ли мой трофей, и бережно убирала янтарь обратно.

Когда пришло время ехать на дачу и собирать вещи, я достала янтарь и спрятала в вещах. Вот там – то я и сделал свой секретик. Танюша клятвенно обещала никому не рассказывать про жемчужину. Иногда мы ходили на место секретиков, и, проверив, что поблизости никого нет, аккуратно руками разрывали рыхлую землю и любовались своим кладом.

Потом прошло лето, мы уехали в город. Я поступила в секцию лёгкой атлетики и несколько лет подряд не приезжала на дачу. Конечно же, позабыв про свой бесценный клад.

Я прислонила метлу к стене дома, обошла куст жасмина, и присев на корточки, стала тихонько разгребать землю. Через две минуты поисков мои пальцы почувствовали холод стекла. Я отрыла землю. Вот он, уже столько лет, он хранит мою тайну. Янтарная бусина светила, как солнце, через кусок прозрачного стекла. Аккуратно, чтобы не порезать пальцы, я вытащила стекло и достала её. Она была в земле. Взяв в руки янтарь, ощутила все эмоции,

которые испытала, когда украла бусину. Завернув её в носовой платок и положив в карман, я пригладила землю и пошла, заниматься делом, которое мне поручили.

К вечеру дом был убран, столовый сервиз намыт до блеска. На окнах красовались свежие накрахмаленные занавески, на веранде, в двух больших кашпо стояли белые гортензии.

Мама и Аннушка сидели за столом. Составляли меню и список продуктов, которые нам следовало завтра купить. Папа сидел в своём кресле и разгадывал кроссворд.

– Небольшая птичка, живущая в Южной и Северной Америке, семь букв, – произнёс отец вслух.

– Конечно, колибри, – проговорил он, и, повернувшись ко мне, добавил:

– Наташенька, а ты знаешь, что колибри – самые маленькие птицы на Земле. Вес самых маленьких колибри из числа взрослых особей не составляет порядка трёх граммов.

Их сердце делает 500–1000 ударов в минуту, а в течение жизни сокращается около 4,5 миллиарда раз. Эти маленькие птицы обладают одной особенностью. Они могут летать абсолютно в любых направлениях и зависать в воздухе.

– Потрясающие существа, – резюмировал отец и спрятал свой нос за газетой.

Я бесцельно слонялась по дому, пока Аннушка не позвала меня ужинать. Вечер был прекрасный. Кто, хоть раз, бывал в Ленинграде, знает, какие потрясающие вечера и ночи в июне. Белые ночи. И если погода не подводит, то, это отдельное удовольствие, сидеть вечером на веранде, вдыхать благоухающий свежий воздух, который окутывает своими ароматами и кружит голову, слушать стрекотание сверчков и смотреть на багрово-розовый закат.

Так как, Аннушка и мама целый день занимались уборкой дома, на ужин подали большую миску горячей белой варёной картошки, присыпанной свежим укропом, с кусочком масла, которое таяло от её тепла, и растекалась, как вулканическая лава по белоснежным сопкам. К ней подали хрустящие холодные солёные огурцы и розовые аппетитные круги докторской колбасы. Папа был очень доволен. Он любил простоту в вещах и всегда говорил мне:

– Ребёнок, запомни, не надо усложнять то, что само по себе прекрасно и приносит ценность и радость. Наслаждайся и радуйся простым вещам, ведь нет ничего простого, каждая вещь, каждое слово индивидуально, и от этого просто запомнить и принять. Если тебе не дано быть одарённым художником или певцом, инженером, найти то, что у тебя получается лучше всего и делай своё дело с любовью и удовольствием. Это очень просто. Не усложняй!

Как практикующий учёный, он любил познавать всё новое, разбираться в этом, но варёная картошка с огурцом были вне конкуренции. Мама подошла к буфету, достала маленький графин из синего стекла. Не знаю, сколько ему лет, он был еще в те времена, когда папа был юнцом.

В этом графине мама всегда хранила вишнёвую настойку. Рецепт этой настойки ей давным-давно дала мама её близкой подруге, тётя Любаша. Это напиток богов, как говорила мама. Вкус настойки невозможно передать словами. Если сделать маленький глоток и закрыть глаза, то ты чувствуешь, как тысячи свежих. Сочных и сладких вишен наполняют рот соком. Это безумно вкусно.

– Павлуша, давайте выпьем по рюмочке. Вечер сегодня прекрасный. Мы отужинали, убрали со стола, намыли посуду и сели наслаждаться божественным напитком и божественным видом заката.

Так, наслаждаясь тёплым июньским вечером, рассказами отца о детстве, проведённом здесь, в Комарово, мы засиделись за полночь. Графин наливки был нами выпит, и все довольные и немного уставшие пошли спать.

Уже в своей комнате, переодевая платье, я полезла в карман и нащупала завёрнутый в маленький носовой платочек, мою драгоценную янтарную бусину.

Уютно расположившись на мягком матрасе и завернувшись в большое тяжёлое ватное одеяло, я стала рассматривать янтарь. Она была миндалевидной формы, небольшого размера. В детстве мне казалось, что она большая – размером с человеческий глаз. Но, в детстве, и деревья были большие. Их макушки уносились далеко в небо. Сейчас же я смотрела на янтарь и понимала, что она маленькая. Солнечно-медового цвета, она хранила в себе мои воспоминания детства. Тот случай, когда я наглым образом присвоила янтарь себе. Ту гордость, с которой я хвасталась подружкам на даче своим трофеем. И тайну секретика, который много лет хранился под бутылочным стеклом.

Цвет. Он был такой насыщенный, переливался под лучами торшера. Свет кидал блики и тень на бусину, и она переливалась от яркого солнечного цвета до густого медового.

Отец, в силу своего любопытства и жажде знаний, перед тем как подарить маме бусы из янтаря, конечно, всё узнал про этот камень. Так вот, янтарь, как и многие драгоценные природные камни, обладает магическими свойствами. Янтарь – это солнечный камень, сила и магия которого используется многими народами мира. Наши предки верили, что пузырьки в янтаре – это частички доброй энергии, которые всегда приходят на помощь людям. В древние времена во время свадьбы невеста надевала на себя украшения из жёлтого самоцвета для защиты и процветания своей будущей семьи. Большое значение самоцвет играл и для мужчин. В поход воинам давали с собой перстень с янтарём. Камень придавал защитнику смелости, уверенности и храбрости.

Так, в мыслях о янтаре я уснула. Ночью мне снился сон, будто я стою в подвенечном платье перед большим, во весь рост, зеркалом, и люблюсь ожерельем и серьгами из янтаря. Знаю, что за мной стоит мой жених, я хочу повернуться и посмотреть на него, но нет сил, отвести взгляд от солнечного великолепия, которое украшает мою шею. Я пытаюсь позвать, чтобы он подошёл ко мне и встал рядом:

– Сергей! «Серёжа», — говорю я с надрывом в голосе.

Но слова застревают в горле, и я как рыба, молча открываю рот.

Утром, наспех позавтракав, мы отправились в Сестрорецк на рынок, за продуктами.

Мама была хороша. Ей нравилось ходить по магазинам рядом с отцом. Она сразу делалась такой деловой и серьёзной. Если батенька останавливался у прилавка с каким-либо товаром, она со знанием дела говорила: «Павел Александрович, что вы уставились на эту рыбу? Или вы хотите достойно её похоронить? Посмотрите, даже мухи не прилетают до неё! Пойдёмте к Галочке, у неё всегда свежая рыба». Папенька покорно следовал за супругой, а если продавец начинал возмущаться, маман одаривала его таким взглядом, что даже самый храбрый торговец, робел при виде маминой, поднятой вверх брови. «Споры здесь неуместны», – говорила металлическим голосом мама и быстрой походкой, с идеально прямой спиной, удалялась. Вот такая моя мама. Если они прогуливались с отцом в сквере, или же отдыхали дома в гостиной, или же отец зачитывал ей вслух свою новую научную статью, она была тиха, кротка и с обожанием смотрела на супруга. Но, если дело касалось той сферы, в которой она за многие годы, уже защитила кандидатскую и докторскую по теме «Планирование и ведение домашнего хозяйства», она сразу превращалась в дипломированного специалиста, досконально знающего весь материал.

Мама с отцом выбирали мясо и рыбу, Аннушка покупала свежие овощи и зелень. Мне поручили купить килограмм конфет в магазине фабрики им. Крупской. Я перешла на другую сторону дороги по пешеходному переходу.

И направилась к небольшому зданию жёлтого цвета. На здании красовалась большая вывеска, на ней была изображена смешная белка, с большими мохнатыми кисточками на ушах. Она держала в лапах орех и надпись: «Кондитерский магазин фабрики им. Н.К. Крупской».

В небольшом помещении было прохладно. Народу было немного. Молодая женщина с карапузом, лет пяти покупала «Гусиные лапки», пожилая дама рассматривала витрину с конфетами в подарочных коробках, два мальчугана, стояли у витрины с ирисками и считали монетки.

Один из них брал монету, перекладывал её в ладони второго и хором вели подсчёт: пятнадцать копеек плюс две копейки, это будет 17 копеек. Плюс ещё 20 копеек, это будет.

Подошла моя очередь. Я купила «Грильяж», «Птичье молоко» и «Белочку». Продавец завернула конфеты в тугие кульки из плотной бумаги. Я отошла в сторону, достала сумку и стала складывать туда кульки, когда услышала справа от меня:

– Ну вот, говорил я тебе, ну зачем нам этот журнал про самолёты? Не хватит денег на конфеты! А ты: хватит, хватит! Вот, что нам теперь делать? Все ребята скидывались. Что делать будем?

– Подожди ты, – ответил ему второй мальчуган. Я же всё рассчитал! Ты посмотри, внимательно, может у тебя в кармане дыра? Не хватает рубля.

– Сам ты дыра! – Обиженным тоном ответил пацан, но всё же полез в карманы.

Сопя, он манипулировал руками в недрах своих широких брюк. Потом вывернул левый карман и проговорил, опустив голову:

– Вот она – дыра. Не знаю, откуда она взялась! Вроде бы целые были.

– Откуда? Я тебе говорил, не таскай гвозди в карманах, прорвёшь ткань. Кто чинить будет? А ты меня не слушаешь. Вот и потерял рубль. Эх, нерадивый ты, Алёшка!

По лицу Алёшки было видно, что ему стыдно. Он стоял с опущённой головой и теребил вывернутый карман.

Второй мальчик стоял и думал. Это видно было по его напряжённым глазам.

– Есть только два выхода, – проговорил он.

– Валяй!

– Первый – это возвращаться без конфет и объяснять товарищам, что кто-то потерял деньги.

– Второй – это бежать к вокзалу, там, где телефонная будка, и просить прохожих две копейки, чтобы позвонить. Но мне это вариант не нравится. Лучше пойти и признаться ребятам, что мы потеряли деньги.

– Андрейка, давай купим конфет, насколько есть, и поделим между всеми!

– А рубль, как отдавать будем? Когда ещё тётка приедет или родители вернутся – неизвестно.

Я так увлеклась подслушиванием их диалога и совсем забыла, про то, что мои родные меня ждут. Я быстро сложила кульки с конфетами в сумку и вышла на улицу. Уже подойдя к пешеходному переходу, я оглянулась. Мальчишки шли следом за мной. Тот, что звали Алёшка, шёл медленно, шаркая ботинками по асфальту и утирая рукавом нос. Вторым мальчик, Андрейка, шёл твёрдым быстрым шагом, его маленькие детские брови были сдвинуты к переносице, и весь его вид, говорил, что мальчик злится.

Когда ребята поравнялись со мной, меня осенило! Это же те мальчишки, за которыми я наблюдала через дыру в заборе интерната. И как же я сразу их не узнала? Точно, это были они. Интересные встречи получаются, они меня не знают, а я, знаю уже два секрета про них. И обе встречи я подслушивала и подсматривала за ними.

План в моей голове созрел моментально. Я повернулась к мальчишкам и проговорила:

– Здравствуйте, мальчики.

– Здравствуйте, сказал мне Андрей, мы можем вам чет-то помочь?

Алёшка лишь кивнул мне.

– Да. Нечаянно я стала свидетелем вашего диалога, из которого поняла, что нечаянным образом потерялась некая сумма. Правильно?

– Да, да! Совершенно нечаянно, – скороговоркой выпалил Алёшка.

Андрей посмотрел на него строго и вопросительно уставился на меня.

– Дело в том, – продолжила я, что у меня сегодня день рождения.

– С днём рождения, – сказал Андрей.

– Так вот, у меня сегодня день рождения. Я обожаю конфеты. Мы с подругами покупаем много конфет, на мой день рождения, и пьём чай. Но сейчас я нахожусь с родителями на даче, а подруги в городе. И мне совершенно не с кем пить чай с конфетами. Если вы могли бы оказать мне услугу, я буду очень признательна, – сказала я и сделала благодарную мину.

– Чем же мы можем вам помочь? – Спросил Андрей.

– Сейчас расскажу. Пригласите меня к себе в гости пить чай с конфетами. Конфеты я куплю.

– Странно! Зачем взрослой девушке делиться конфетами с нами? «Мы вам в друзья по возрасту не годимся», – с опаской в голосе сказал Алёшка.

– К моему сожалению, я в округе никого не знаю. А сидеть в день рождения одной, или с родителями не очень хочется. Вы мне кажетесь интересными и образованными ребятами. Я думаю, что у нас получится занимательная беседа, да и конфеты, вы, наверное, любите, – я улыбнулась и прищурилась.

По Алёшкиному лицу было видно, что он уже представляет себя, сидящего за столом и уплетающего дюжину разных вкусных конфет. Андрей, наоборот, стал серьезнее. Он искал в моих словах подвох.

– В знак благодарности и в честь моего дня рождения я дам вам один рубль, безвозмездно, – сказала я заговорщическим тоном.

Андрей подошёл ко мне поближе и сказал:

– Мы бы с радостью вам помогли слопать ваши конфеты, но, боюсь, это не представляется возможным! Дело в том, что мы здесь находимся в интернате. Временно.

Это слово было сказано им с такой надеждой в голосе, я сразу представила их детские личики, искажённые от горя, когда им сообщают, что родителей в завалах не нашли. Сердце защемило от боли за мальчишек. Но я отогнала эти мысли от себя! Работы по поиску их родителей ещё ведутся. Значит, есть надежда.

– В нашем интернате много ребят, думаю, что вам наша большая компания не подойдёт. Ну, если вы хотите, то день посещения у нас – воскресенье, с десяти до восемнадцати часов.

– Очень хочу. Люблю большие компании, – прощепетала я, боясь, что мальчишки откажутся.

– Вот, берите, – я протянула рубль. Андрей взял деньги, поблагодарил и бережно убрал в карман брюк.

– Адрес наш знаешь? – спросил Алёшка. Возмещение потери придало ему силы, и он снова стал уверенным и немного дерзким.

– Знаю, здесь недалеко, у залива.

– Так точно, – отрапортовал Алёшка.

– Тогда ждите меня в воскресенье к полудню, – сказала я.

– Хорошо, – сказали мальчики хором, – будем ждать.

– А как вас зовут? – спросил Андрей.

– А зовут меня, Наташа.

– Я— Алёшка, а это мой брат – Андрейка. У нас разница в год. Андрей старший. Поэтому иногда зазнаётся, – весёлым голосом проговорил первый парнишка.

– А ты точно придёшь? Не обманешь? Мы же ребятам скажем, все будут ждать. Нельзя подводить коллектив, – серьёзным голосом проговорил он.

– Обязательно приду, и конфеты принесу, и пирожки домашние.

– Мы будем вас встречать у центрального входа, в полдень. А потом пойдём на летнюю террасу, что около столовой. Познакомим вас с ребятами. «У нас много хороших ребят», – сказал Андрей, и, дёрнув брата за рукав, прошептал:

«Пойдём, у нас время истекает!».

– Договорились, – сказала я уже вслед убегающим братьям.

Я подошла к машине. Аннушка и отец стояли около неё, подняв головы вверх, и «принимали солнечные ванны». Так любил говорить отец. Мамы не было. Как обычно, забыв купить что-то ужасно важное, она побежала решать этот вопрос. Я положила сумку на сидение, присела на лавочку, которая стояла рядом, на тротуаре. Как всё случилось? Как ко мне пришёл план, по спасению потерянного рубля? И день рождения у меня в августе, а не в июне. Врать нехорошо. Но это была ложь во спасение! Я поймала себя на мысли, что, почему-то, чувствую себя очень комфортно. Хотя я вижу этих мальчиков второй раз в жизни, у меня такое ощущение, что я знаю их очень давно.

Янтарь – частички доброй энергии, которые всегда приходят на помощь людям. Вспомнила я слова отца. А может быть, не случайно, я нашла свой секретик с янтарём. Что-то неосознаемое, но очень волнующее, зародилось в моей душе. Сегодня четверг, в субботу у нас гости, а в воскресенье я буду отмечать свой день рождения, в компании ребят. Надо подготовиться. Вспомнить парочку интересных историй, например, из жизни врачей. Чтобы рассказать ребятам при встрече. Мои мысли прервал голос мамы:

– Наталья, садись в машину, нам ещё надо заехать за вином.

Я уселась назад, рядом с Аннушкой. Отец вырулил на дорогу, и мы двинулись в сторону винного магазина. Вино купили двух видов: белое и красное. Ещё купили коньяку. И морошковой наливки, для личного пользования. Всю обратную дорогу, мама и Аннушка обсуждали меню, кого, где надо посадить за стол.

– Аннушка, главное, чтобы не оказались рядом за столом, супруга академика Смирнова, Тамара, и супруга покойного Фёдора Ильича, Павлушиного однокашника, Ниночка. Ниночка, до замужества, работала на фабрике ткачихой. Так вот, Тамара, до сих пор, считает, что Ниночка вышла за Федю по расчёту, и называет её, за спиной «ткачиха-повариха». Не нашего круга. И всем своим видом показывает своё превосходство. Уж сколько раз я с ней разговаривала, да всё без толку! А она мне всё об одном: «Вот выскочила эта ткачиха за Федьку по расчёту, со света его сжила. Живёт в его квартире, как у Христа за пазухой. Ткачиха».

Историю любви, на момент знакомства, пятидесятилетнего Фёдора Ильича – в— ведущего кардиолога НИИ Скорой помощи и ткачихи фабрики имени Веры Слуцкой, двадцатисемилетней Ниночки, мама рассказывала миллион раз и всегда с упоением.

Вот и сейчас, мама начала рассказ, несмотря на то, что эту историю, слышали много-много раз. И даже от первоисточника – Фёдора Ильича и Ниночки.

Фёдор Ильич был откомандирован с лекциями о здоровом образе жизни. На известную нам фабрику, где трудилась молодая Ниночка. Курс лекций продолжался три дня. Чтобы про-

изводство не простаивало, профессор читал лекции после рабочей смены, то есть, начало лекции было заявлено на 0:00. Конечно, по законам СССР, явка всех работников была обязательна. Лекции проходили в огромном актовом зале, с бархатными малиновыми, под стать, театральным стульям, со знамёнами и портретами вождей пролетариата, на стеках, и красным суконным полотном на длинном, узком столе, на котором одиноко красовалась пара: графин с водой и гранёный стакан.

Так вот, по окончании второго дня лекции, профессор складывал свой материал в портфель. Зал был пустой. Все слушатели уже разошлись. Времени было, начало одиннадцатого вечера. Надев пальто и повязав шарф, Фёдор Ильич направился к выходу. Проходя мимо последнего ряда, его взгляд за что-то зацепился. Он увидел спящую девушку. Она примостилась на двух стульях, положив под голову сумку, одна рука свисала вниз, белые волосы каскадом кудрей рассыпались по стулу. Девушка сладко и крепко спала. Надо сказать, что, дожив до такого возраста, Фёдор Ильич так и не удосужился узаконить себя узами брака. Сначала учёба, аспирантура. Потом стажировка за границей и важный пост заведующего отделением. Была у него. В молодости, любовь. Но, Федя, был очень скромный молодой человек. Он нежно ухаживал, трепетно заглядывал в глаз, совершал поступки, дарил цветы, провожал до дома. Но главный поступок, предложение руки и сердца, так и не решился сделать. Потом его отправили стажироваться на полгода. А когда он вернулся, его любовь уже была супругой более смелого молодого человека, заведующего складом мебели. Выпив, с горя, бутылку коньяка, Фёдор решил удариться в работу. Что принесло плоды: пассия была забыта, а карьера и навык с каждым годом шли ввысь.

И сейчас он стоял и смотрел на это неземное создание и понимал, что это любовь всей его жизни. Он сел рядом. Никогда в своей жизни Фёдор Ильич не испытывал таких чувств. Не отрывая взгляда от спящей красавицы, мысленно дал слово, что, как только она проснётся, тотчас позовёт её замуж.

Ниночка проснулась от пристального взгляда профессора и смущённо стала поправлять волосы.

– Барышня, простите, что прервал ваш отдых. Но, мне, кажется, что дома, это делать гораздо удобнее, да и почти ночь на дворе.

– Как ночь? – не понимая, сколько времени, переспросила Ниночка.

Фёдор Ильич рассказал, что лекция давно окончена, все работники разошлись по домам. И, так как, он дал себе слово профессора, что обязательно женится на этой белокурой красавице, добавил:

– Так как виной вашего сна, являюсь я, прошу разрешения отвезти вас домой, – проговорил профессор с надеждой в голосе.

– Почему вы виноваты в том, что я уснула?

– Значит, лекция моя не носит интерес, раз слушатели засыпают, – проговорил профессор, улыбнулся и развёл руками.

– Что, вы! Фёдор Ильич. Ваши лекции очень интересные. А ваша статья, в журнале «Здоровье», за июнь?

– Что моя статья? – переспросил Фёдор Ильич.

– Ваша статья о том, как режим дня и питания влияет на развитие здорового организма, – это же просто шедевр! Я же её вырезала из журнала и убрала в папку. – Ниночка говорила громко и при этом жестиком указывала.

Фёдор Ильич был поражён и сражён наповал.

– Вам нравится медицина? – спросил он.

– Ещё когда я жила в Дзержинске, мамка выписывала журнал «Здоровье». И я все журналы до корочки прочитала. Тогда я и стала мечтать стать врачом. А ваши статьи по влиянию окружающей среды на здоровье, я наизусть знаю.

– Вы хотели стать врачом? – Фёдор снял шарф.

– Да, я даже поступила в медицинское училище, но через три месяца мама заболела и умерла. Мне пришлось бросить учёбу и пойти на фабрику, чтобы помогать сёстрам и бабушке. Вот здесь и работаю. А что? Платят хорошо. У меня комната в общежитие. Талоны на питание, бесплатная развозка.

– Потрясающе! – проговорил профессор.

– Вот я олух, я не спросил ваше имя.

– Нина, – тихо проговорила наша ткачиха-повариха и улыбнулась.

– Фёдор, – сказал профессор и протянул Ниночке руку.

– Я знаю, Фёдор Ильич, как вас зовут, – сказала Ниночка и протянула свою маленькую руку.

Фёдор Ильич взял её руку в свою руку. Вот с этой минуты, начался роман пятидесятилетнего профессора и двадцатисемилетней Ниночки.

В этот вечер профессор довёз Ниночку домой и заручился обещанием, встретится на следующий день. Там прошло два месяца. Они гуляли в парке, ходили в театр, даже один раз ходили на каток. Новый год решили отмечать вместе, у Фёдора Ильича дома. Под бой курантов Фёдор Ильич открыл шампанское, они выпили за наступление Нового года. Потом профессор встал перед Ниночкой на одно колено и предложил стать его женой.

Ниночка ответила согласием и расплакалась от счастья.

Больше Ниночка не вернулась в общежитие. В начале февраля они расписались, а в конце сентября у профессора родился сын Илья, названный в честь деда. Профессор занимался медициной, Ниночка растила сына и занималась домом. Когда Илюша пошёл в первый класс, у Фёдора Ильича случился обширный инфаркт, коллеги – врачи долго боролись за его жизнь. Но, к сожалению, не смогли спасти. Ниночка очень горевала. Потом появились какие-то дальние родственники и стали претендовать на имущество Фёдора Ильича. Ниночка не скандалила и не устраивала разборок. Она собрала сына, их вещи и отбыла в Дзержинск к сёстрам. Через пять месяцев она получила Телеграмму из Ленинграда, явится в нотариальную контору.

В конторе Ниночку встретил пожилой солидный нотариус, на носу у него были большие очки в толстой роговой оправе.

– Нина Тимофеевна, я пригласил вас на оглашение завещания покойного Фёдора Ильича Матросова, который был при жизни, вам супругом. «Это верно?» – спросил нотариус и пристально посмотрел на Ниночку.

– Да, Феденька, был моим мужем, – тихо проговорила Ниночка, сдерживая слёзы.

– Славненько, – проговорил нотариус и продолжил.

– Покойный оставил завещание.

Нотариус достал папку, раскрыл её и вытащил на свет листок, исписанный чернилами и заверенный большой синей печатью и сургучом.

– Всё движимое и недвижимое имущество, Матросов Фёдор Ильич завещал своей супруге, Матросовой, в девичестве Петуховой, Нине Тимофеевне.

Родственники покойного, которые незаконно занимали жилую площадь покойного, освободили помещение. Вы можете распоряжаться всем имуществом и также деньгами, которые хранятся на сберегательной книжке.

После исполнения всех формальностей Ниночка вернулась за сыном и переехала в их квартиру. Илья снова пошёл в свою школу, Ниночка устроилась медицинской сестрой при районной поликлинике. Забыла сказать, она успела, окончить медицинское училище. Была восстановлена. Федя похлопотал. Жизнь продолжалась.

Мама с отцом любили Ниночку. Ниночка нравилась всем. Только Тамара считала, что этот роман с молодой ткачихой свёл Фёдора Ильича в могилу.

Мы прибыли на дачу к обеду. Разгружали покупки, раскладывали продукты, проголодались ужасно. Пообедав, я ушла в свою комнату. Мне очень хотелось остаться со своими мыслями. Я открыла балкон. Свежий летний ветер ворвался в комнату. Я завалилась на кровать и стала вспоминать события сегодняшнего дня. Скорее бы воскресенье. Я увижу мальчишек. Я снова смогу с ними поговорить. Почему меня так тянет к ним. Почему мне так интересна их жизнь. Нет, это было не сочувствие и не сострадание к бедным детям, оставшимся без родителей. Это был какой-то, непонятный мне, интерес. Я стала, достала из шкатулки янтарь. Он играл солнечным светом в моей ладони. Добрая энергия, волшебные свойства. Уж кому-кому, но не мне, верит в чудеса. Я будущий хирург. Но что-то мистическое в нём было. Или мне хотелось так думать.

Следующие два дня в доме стоял хаос. Мама и Аннушка готовились к приёму гостей. Папа ходил по гостиной, потирал ладони и довольно хмыкал. Он тоже, как и мама, любил. Когда в доме собирались гости. Отец много говорил, они обсуждали, спорили, смеялись и даже танцевали. Это особенно радовало его. Всегда приглашал маму на танец и прекрасно вёл её через всю комнату. Когда же танец заканчивался, папа кланялся, целовал маме руку и говорил: –Прекрасная художница, вы должны мне ещё один танец.

Мама улыбалась, целовала отца в волосы и предлагала сделать перерыв в танцах и отвезти ягодного крюшона, который Аннушка приносила в большой прозрачной миске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.